

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

**МАТЕРИАЛЫ
XL
МЕЖДУНАРОДНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Выпуск 15

**ГРАММАТИКА
(РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ)**

**4–8 апреля 2011 года
Санкт-Петербург**

Филологический факультет СПбГУ
Санкт-Петербург
2011

бализованного (ословленного, оязыковленного) опыта, т. е. вербализованных состояний, ситуаций, положений дел (state, situation, state of affairs), что требует более полной и дробной классификации, учитывающей разнообразие того, что претерпевает состояния и какие состояния. Отметим, что в некоторых контекстах русскому слову состоянию соответствует английское condition (depressed condition, dilapidated condition).

Мы полагаем, что состояние, как и конкретное положение дел, конкретная ситуация, характеризуется такими параметрами, как участники (руководители—исполнители, актеры—зрители и др.), учреждения (институты, заводы, театры и др.), результаты деятельности отдельных лиц, коллективов и, отдельно, оценка деятельности, результатов деятельности и состояний в разных местах (странах, в мире), а также в разное время. Такой взгляд на категорию состояния дает основание для ситуативного анализа соответствующих видов дискурса. Дело в том, что когда речь идет о состоянии дел в некоторой сфере деятельности, соответствующий дискурс может включать описание не только собственно «состояний», но и описания целого ряда конкретных ситуаций, которые, в свою очередь, могут включать ряд повторяющихся или разных последовательных действий. Тем не менее, такой дискурс несет общий (узальный) смысл «состояния дел», который может быть выражен в заглавии или в интродуктивном сегменте. Приведем два примера: первый о состоянии человека, второй о «состоянии дел» в американской журналистике.

Captain Penderton was in no comfortable state of mind this evening. ... In part his recklessness was caused by his annoyance with Private Williams. He had been irritated when he saw that it was this particular soldier who had been sent to him. (С.М.: 70). Далее следует объяснение причин состояния героя.

Автор, Carlin Romano, публицистической статьи о том, что (What?) обычно сообщают новости приводит мнение философа (Alan White) о том, как различны понятия «факт» (facts), и «событие» (events), «ситуация» (situations) и «положение дел» (states of affairs). Facts unlike events, situations, states of affairs, or objects, have no date or location. ... We can find ourselves in, transform, or be rescued from nasty, serious, or ticklish situations, but not facts. Facts, unlike states of affairs, do not begin, last, or end. ... Contrariwise, facts but not events, situations, or state of affairs, can be disputed, challenged, assumed, or proved. ... There may be facts about event, situation, or state of affairs, but none of the latter about a fact. (Reading the News: 41).

Источники

1. McCullers C. Reflections in a Golden Eye. USA, Bantam Books, 1950.
2. Romano Carlin. The Grisly Truth about Bare Facts // R. Manoff, M. Schudson (Eds.). Reading the News. N. Y., 1986.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М. 2006
2. Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка. ЛГУ, 1984.

Л. Н. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА «КРАТКОГО ОЧЕРКА РУССКОЙ ГРАММАТИКИ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ» В. Е. АДАДУРОВА

«Краткий очерк русской грамматики на немецком языке» В. Е. Ададунова (его фамилия представлена в разных источниках также, как: Адодуров, Ододунов) вышел в свет в 1731 году и представлял собой приложение к «Латинско-немецко-русского лексикону», созданному под руководством Э. Вейсмана в том же году.

Фигура В. Е. Ададунова (1709–1780) нуждается в некоторых комментариях, потому что он не столь широко известен широкой германистической общественности. Свою весьма успешную карьеру он завершил в должности тайного советника и почетного члена Санкт-петербургской Академии наук. Он считается одним из величайших российских просветителей, выдающимся математиком и ученым, занимавшимся самыми разнообразными исследованиями, в том числе и лингвистическими. Василий Евдокимович был представителем древнего, но обедневшего дворянского рода. Свое первоначальное образование он получил в новгородском духовном училище, затем продолжил его в Славяно-греко-латинской академии в Москве. С 1726 года — в Академической гимназии Санкт-Петербурга, с 1727 года — студент Академического университета. Проявляет особые способности к математике и становится любимым учеником знаменитого математика Бернулли. В 1733 году назначается первым среди русских адъюнктом по кафедре высшей математики у Л. Эйлера. С 1736 года надзирал над учениками Академии, среди которых в том числе был и М. В. Ломоносов. Среди прочего он обучал их латыни, немецкому языку, математике, истории, географии и риторике. С 1737 года стал также преподавать русский язык и латынь в коллегии юнкеров при Сенате. Его карьера, однако, не всегда складывалась гладко, и ему тоже, как и многим его современникам, не удалось избежать превратностей той непростой эпохи. Так, в 1740 году как сторонник Волынского Ададунов был обвинен, но вскоре освобожден, т.к. выяснилось, что он занимался только переводом бумаг для кабинет-министра. В 1741 году перешел из Академии в Герольдмейстерскую контору, ездил в Москву для наблюдения за печатанием материалов к коронации Елизаветы Петровны, близость к Разумовскому упрочила его положение. В 1744 начал обучать будущую Екатерину II русскому языку и сумел стать не только ее учителем, но и советчиком. В 1758 году судьба вновь оказалась к нему неблагоприятной, он был арестован вместе с приверженцами Бестужева-Рюмина и отправлен в почетную ссылку помощником губернатора в Оренбург. После восшествия Екатерины на престол назначается куратором, а затем и сенатором Москов-

ского университета. Ададуrow приглашает в Московский университет иностранных профессоров, организует подготовку молодых русских ученых за границей.

С немецким языком В. Е. Ададуrowа судьба свела не случайно, ведь этот язык был, можно сказать, «официальным» языком русской науки того времени, и его знание было необходимо и для ознакомления с современными научными достижениями, и для общения с коллегами по Академии, большинство из которых были немцами по своей национальности. Еще в годы обучения по распоряжению Шумахера Василий Евдокимович начал заниматься переводами. Свою переводческую деятельность он начал в 1728 году. Это были переводы не только с немецкого, но с латинского, хотя еще в 1927 году по свидетельству Г.-Ф. Миллера он не владел немецким. Со временем Ададуrow стал рецензировать переводы, его мнение при зачислении в Академию новых переводчиков было решающим. Благодаря общению с В. А. Третьяковским он смог усовершенствовать также свои знания французского. (Так, с французского он перевел «Сокращения математического»). Переводил он как с немецкого на русский, так и с русского на немецкий. С немецкого он перевел труды по древней истории Байера, несколько сочинений Крафта (в том числе, составленные им календари на 1730, 1732 и 1733 годы), «Арифметику» Эйлера и многие другие статьи для академических изданий. На немецкий язык им было переведено «Уложение царя Алексея Михайловича».

В. Е. Ададуrow имеет также большие заслуги и в области отечественной филологической науки. Как уже указывалось выше, он принимал активное участие в создании под руководством Э. Вейсмана «Латинско-немецко-русского лексикона», к которому им и был составлен «Краткий очерк русской грамматики на немецком языке» («Anfangsgründe der russischen Sprache»). Он написал также в 1737 году рассуждения об использовании букв «Ъ» и «Ь» («Заметка о «Ъ» и «Ь»). Ададуrow участвовал в подготовке второго издания «немецкой грамматики» М. Шванвица (1734). В 1768 году выпустил «Правила русской орфографии». По имеющимся сведениям в 1738–1741 он создал пространную русскую грамматику, которая сохранилась лишь частично в русском списке 1738–1739 гг., а также в переводе на шведский язык М. Гренинга. Она содержала ряд важных положений, отразившихся в последующих грамматических сочинениях, например, в «Разговоре об орфографии» Третьяковского (1748). В академических документах 1739 года сохранилось также упоминание о составленном Ададуrowым «Собрании российских писем». В. Е. Ададуrowу приписывается также до сих пор не обнаруженная книга «Правила российской орфографии», изданная будто бы в 1768 году (1).

«Краткий очерк русской грамматики на немецком языке» В. Е. Ададуrowа представляет собой, как следует из выше изложенного, одно из первых пособий для изучающих русский язык как иностранный, написанных к тому же не на русском, а на немецком языке. Последнее объясняется скорее экстралингвистическими причинами, т. е. политическими и социально-

экономическими факторами, свидетельствовавшими о значимости российско-германских контактов того времени. Этот Очерк послужил в дальнейшем отправной базой для создания Ададуrowым Грамматики, написанной по-русски (см. выше), но сохранившейся только на шведском языке в переводе М. Гренинга. Эти труды В. Е. Ададуrowа, а также В. К. Третьяковского и В. Н. Татищева позволяют утверждать о наличии в русистике доломановского периода, хотя долгие годы «Российская грамматика» М. В. Ломоносова первым описанием русского языка (2).

Очерк В. Е. Ададуrowа невелик по объему (2,5 п.л.) и состоит из 11 глав: фонетика (произношение букв русского алфавита), имена (существительное и прилагательное), склонение имен, местоимение, глагол, причастие, наречие, предлоги, союзы, междометия, синтаксис.

В 1-й главе затрагиваются как вопросы произношения русских звуков, так и вопросы орфографии, которые в то время волновали умы ученых. Это было связано с доминирующей ролью правописания в становлении самосознания в рамках литературного языка, а для истории русского языка это было связано еще с противопоставлением русского и церковнославянского языков, а также гражданской и церковной азбуки. В этом разделе особое внимание уделяется произношению тех звуков, которые представляют собой особую сложность для иностранцев, изучающих русский язык, в частности, таких, например как г, щ. Указывается также на то, что произношению таких букв лучше учиться со слуха непосредственно у носителей языка, конкретнее у специалистов. При описании звуков автор часто прибегает к сравнению с другими языками (немецким, французским, польским). Отдельно для соответствующих букв дается их числовое значение. В завершении этого раздела представлен список принятых в то время аббревиатур.

Из следования последующих глав очевидным становится то, что В. Е. Ададуrowым придерживался европейской латинской традиции в описании основных классов слов. Ср, например, выделяемые в грамматике Доната восемь частей речи: имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие (3). В качестве двух основных частей речи в соответствие с вышесказанным Ададуrow признает имя (не выделяя на первом этапе отдельно имя существительное и прилагательное) и глагол.

Во 2-й главе представлено описание двух видов имен — существительного и прилагательного, а в 3-й главе описываются типы их склонения. Данные разделы снабжены подробными таблицами. В первой из этих глав подробно рассматриваются грамматические категории данных частей речи. Так, например, при рассмотрении рода русских существительных В. Е. Ададуrow учитывает как семантические, так и формальные критерии. При рассмотрении имени прилагательного он подробно останавливается на присущей им категории степеней сравнения. В главе о склонении имен выделяется пять типов, по первым четырем склоняются имена существительные, а по пятому — имена прилагательные и порядковые числительные.

5-я глава посвящена глаголу, внутри которого изначально, как в немецком и латинском языках, противопоставленными друг другу оказываются личные и неличные формы глаголов. Данный раздел также снабжен большим количеством таблиц. В отдельную 6-ю главу выделены причастия (данную главу, как и почти всех последующие, отличает небольшой объем — всего четыре строчки), в качестве основной особенности которых выделяется их изменимость по типу прилагательных.

7-я глава, в которой представлены наречия, дает представление о семантических классах данной части речи (всего выделено девять типов). Правда, согласно представлениям того времени о неизменяемых классах слов, в наречия попадают такие слова, частеречная принадлежность которых в современном языкознании трактуется несколько по-иному, ср., например, отнесение «да» и «нет» к утвердительным и отрицательным наречиям. Свое краткое описание этой части речи автор аргументирует отсутствием грамматических категорий, а в заключении адресует потенциального читателя к лексикону, приложением к которому и явился данный грамматический курс.

В 8-й главе описывается управление предлогов, а в 9-й предлагается весьма дробная классификация союзов, среди которых выделено семь различных логико-семантических типов. Следуя более ранней европейской традиции, В. Е. Ададулов специально останавливается на таком классе слов, как междометие (10-я глава), которые он определяет как слова «с помощью которых я могу выразить страсти своей души»: так при ощущении боли появляются *увы* (*weh*), *ох* (*ach*). При удивлении — *ба* (*eu wie schön*), *што это* (*was da*); страх выражается с помощью *ах* и *ай*. Когда смеются, то используют *ха, ха, ха*, а когда плачут, то используют обычно частицу *ой* и т. д.».

В последней 11-й главе, озаглавленной «О синтаксисе» речь идет только о правилах сочетания слов друг с другом, в основном о согласовании и управлении. Такой ограниченный подход к синтаксису объясняется, по видимому, двумя причинами. С одной стороны, традициями древних грамматиков, рассматривавших синтаксис как продолжение морфологии, и потому, считавших синтаксис только учением о грамматическом согласовании и управлении. С другой —, практическим характером данного Очерка. Так, в последних строках В. А. Ададулов пишет: «Этих правил, пожалуй, должно для начала хватить. Правда, существуют еще некоторые другие, можно было бы кое-что добавить о просодике; но поскольку и без этого эти «Начала русского языка» (именно так звучит более точный перевод названия Грамматики Ададулова) стали больше, чем предполагалось, то это можно сэкономить для более обширного труда. Тем временем автор просит благосклонного читателя использовать эти немногочисленные странички себе на пользу и проявить по отношению к автору терпение, если в них будут обнаружены кое-какие ошибки, которые могли прокрасться туда».

Особенности немецкого текста Очерка В. Е. Ададулова выявляются при рассмотрении орфографии, лексики и грамматики.

Что касается орфографических особенностей, то их характеризует то же, что было свойственно и аутентичным немецким текстам того времени как, например, написание *eu* вместо *ei*, *ß* вместо *ss*, *e* вместо *ä*; колебания в написании удвоенных согласных (*könten*, *sanfft*); неустойчивый характер написания букв *ß* и *ss*, а также дифтонгов. Интересен также тот факт, что сложные слова в целом ряде случаев пишутся через дефис, например *Vircken-Vaum*.

Лексическое своеобразие текста Ададулова проявляется, прежде всего, в использовании как общенаучной, так и узкоспециализированной терминологии. Так к первому случаю можно отнести *zum Exempel*, а ко второму — многочисленные латинские грамматические термины. В некоторых случаях отмечаются известные колебания, когда параллельно употребляются как исконно немецкие слова, так и латинизмы. Так в названии первой главы используется позднелатинский термин *Pronunciation*, а в тексте самой главы появляется уже исконно немецкое существительное *Aussprache* наряду с однокорневым глаголом *aussprechen*. Такое сочетание синонимов и их привязка к определенной локализации в тексте не случайны: в сильной заголовочной позиции предстает латинское слово, а при описании практического произнесения конкретного звука в середине текста автору представляется более уместным немецкое слово.

Морфологические и синтаксические особенности текста Очерка во многом обусловлены немецким научным функциональным стилем той эпохи. Он характеризуется использованием сложных морфологических конструкций (например, перфектными формами страдательного залога), рядом устойчивых грамматикализованных словосочетаний (*pflegen + zu + Infinitiv*; *sein + zu + Infinitiv*) и др. В некоторых случаях можно отметить колебания в порядке слов и постановке отрицательной частицы *nicht*.

Все выше высказанные наблюдения носят, безусловно, предварительный характер и нуждаются в дальнейшем изучении, потому что текст «Краткого очерка русской грамматики на немецком языке» В.Е. Ададулова представляет собой крайне любопытный объект лингвистического изучения.

Литература

1. См. также о жизненном пути и творчестве В. Е. Ададулова: *Сухарева О. В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005; *Лейбман О. Я., Успенский Б. А.* Ададулов Василий Евдокимович // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып 1 (А–И). Л., 1988.
2. См. об этом подробнее: *Успенский Б. А.* Доломоновский период отечественной русистики: Ададулов и Третьяковский // *Избранные труды.* М., 1997. Т. 3. Общее и славянское языкознание. С. 601–627.
3. См. об этом: *Дюбо Б. А.* Рационализм и эмпиризм в немецких грамматических трудах XVI–XVIII вв. СПб., 2001. С. 174.